

## **Глава 4.**

### **НАРАСТАНИЕ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ В ОБЩЕСТВЕ**

#### **4.1. Разочарование и недовольство в «низах» и «верхах»**

##### **4.1.1. Антихрущевский манифест в 360 письмах к партийно-государственной элите**

4 мая 1962 г. историк-эмигрант Б.И. Николаевский, получив от Б.К. Суварина сообщение о рассказах советолога Р. Пайпса об СССР, писал ему: «Там происходят огромные сдвиги, разобраться в которых трудно. А нужно: от этого зависят судьбы не только российские, но и мировые. По-моему, самым важным для новейшего этапа кризиса стал факт превращения этого кризиса из кризиса “элиты” в кризис всего советского общества. Раньше спор шел лишь на верхах, теперь на сцену выходят и низы, массы...»{1857}.

Подобные соображения приходили в голову и кое-кому из числа высокопоставленных советских деятелей. И, опасаясь перспективы выхода на сцену масс, они искали свои пути выхода из кризиса.

Еще 19-20 февраля 1962 г. из разных районов Москвы неизвестными лицами по почте была отправлена масса писем в адрес членов Президиума ЦК, секретарей ЦК КПСС и секретарей обкомов, а также министра обороны{1858}. По форме они представляли собой обращение к Хрущеву – «первому секретарю ЦК КПСС, председателю Совета министров СССР, председателю Бюро ЦК КПСС по РСФСР, члену Президиума Верховного Совета СССР,

трижды Герою социалистического труда, “нашему дорогому Никите Сергеевичу” и прочая, и прочая». Сами авторы представлялись следующим образом: «Остаемся вашими старыми знакомыми, которые сидят рядом с вами, – теми, которые вам уже писали в начале вашей карьеры “вождя”: помните, там мы предсказывали, каким образом вы будете расправляться с Молотовым, Маленковым и другими?»

Наши прогнозы полностью подтвердились. Сообщаем вам, что нас теперь стало больше, ибо, пытаясь изгнать нас из аппарата ЦК и СМ, вы только расширили наш круг. До скорой встречи лицом к лицу, в открытую!»{1859}.

Письма эти, каждое объемом в несколько десятков страниц, приурочивались к созываемому на 5 марта пленуму ЦК КПСС и содержали довольно тщательный анализ состояния сельского хозяйства СССР. «Сколько возни вокруг сельского хозяйства: съездов, пленумов, совещаний, статей, речей, – а воз и ныне там!» – негодовали авторы. Положение с продовольствием в стране, по их мнению, в итоге всех «деяний» Хрущева с момента захвата им высшей власти ухудшилось. «Даже в Москве мясо в магазинах появляется с перебоями и очень низкого качества, нет колбас. В других же городах не только полностью прекращена государственная торговля мясом, маслом, колбасой, но и запах этих продуктов давно испарился из магазинов. А ведь о молоке и мясе Хрущев еще в 1958-1959 годах по-хлестаковски хвастался и в отечестве и в США, будто у нас этих продуктов уже вырабатывается на душу населения больше, чем в США. Другой человек за такое очковительство давно бы погиб, но ему ничего, с него как с гуся вода! От него только и слышишь, что «уже в этом году будет значительно увеличено производство продуктов для населения». Вот и теперь в своем обращении к избирателям повторил эту излюбленную им фразу»{1860}.

На XX съезде КПСС Хрущев обещал довести к началу 60-х годов ежегодный валовой сбор зерна до 11 млрд. пудов. О чем же говорят опубликованные в «Правде» 13.10.57 и 23.01.62 статистические данные? Хотя «вся официальная статистика Хрущева не заслуживает никакого доверия», утверждалось в письме, ибо тенденциозно занижает одни сведения и завышает другие, тем не менее и она позволяет сделать следующий вывод – «сельское хозяйство СССР за период правления Хрущева, несмотря на колоссальные затраты усилий и средств, непрерывное мордование секретарей партии разных рангов, не приведено даже к дореволюционному уровню и тем более к уровню НЭПа»{1861}.

В качестве доказательства этого вывода приводились такие цифры. В 1913 г. валовой сбор зерна составил 6200 млн. пудов, в 1960 г. – 7060 млн. пудов («без незрелой кукурузы, которую Хрущев пытается выдать за полноценное зерно»), а в 1961 г. – 6930 млн. пудов. «И то сомнительно, так как пытается же он прибавить сюда еще 1,47 млрд. пудов зеленой кукурузы». По-прежнему недостижимыми остаются как дореволюционный, так и нэповский уровень урожайности: 59 с лишним, 58 и 54 пуда с гектара соответственно. Учитывая же, что население страны за это время увеличилось со 135 до 220 млн. человек, подушевое производство зерна сократилось с 46 до 32 пудов.

Правда, увеличилось поголовье крупного рогатого скота: с 58,4 млн. голов до 81,9 млн. Но в это число входит 23,7 млн. голов, находящихся в индивидуальном владении, в чем никакой заслуги Хрущева нет. «Наоборот, он неоднократно пытался его ликвидировать и не перестает всячески мешать его существованию и теперь». Зато количество коров на 100 душ населения уменьшилось с 21,5 головы в 1916 г. и 22,5 голов в 1928 г. до 16,5 голов ныне.

«Вот и выходит, что даже подтасованные цифры свидетельствуют о том, что “социалистическое” сельское хозяйство Хрущева после всех невероятных усилий находится на сегодня в гораздо худшем состоянии, чем сельское хозяйство царской России... Вот почему наш народ и голодает уже 33 года после НЭПа. Спрашивается, стоило ли ради этого совершать революцию, приносить в жертву столько человеческих жизней, сотворить столько “теорий”, устраивать варфоломеевские ночи 1937-1938 гг.? Стоило ли так бессовестно и безжалостно ограблять народ и превращать его в рабов государственного капитализма как в городе, так и в деревне?»{1862}.

Затрагивая чувствительные струны аппарата, авторы били тревогу:

«В сложившейся обстановке легко понять, что предстоящий... пленум будет пленумом “вскрытия виновников” глубочайшего развала политики Хрущева в области сельского

хозяйства. Предстоит невиданная до сих пор расправа с кадрами... Авантюризму Хрущева нет предела, а из-за неизбежности провала этих авантур ему всегда будут нужны козлы отпущения. И это будет продолжаться до тех пор, пока какое-нибудь поколение секретарей национальных, краевых, областных комитетов не сговорятся и не вышвырнут Хрущева за борт с помощью того же метода, каким они посадили его себе на шею. Может случиться и такое: доведенный до отчаяния народ, который пока только саботирует, итальянит против всех мероприятий Хрущева, вдруг поднимется и устроит такое, что затмятся все Будапешты»{1863}.

Направляя этот текст в ЦК КПСС, заместитель председателя КГБ СССР П.И. Ивашутин сообщал 22 февраля, что «приняты активные меры к розыску автора»{1864}. Правда, никаких следов этого розыска в архиве ЦК партии нам обнаружить не удалось.

В тот же день, вечером, в центральном лектории Общества по распространению политических и научных знаний во время заседания молодежного дискуссионного клуба по теме «Пусть будет больше одержимых!» в президиум поступили две отпечатанных с помощью множительного аппарата листовки, подписанные Союзом свободы разума. Они содержали «клеветнические измышления о положении в стране, злобные выпады в отношении КПСС и советского правительства, а также призывы к активной борьбе за изменение общественного и государственного строя». Аналогичный документ был обнаружен тогда же в Институте иностранных языков. А затем к чекистам поступило свыше 120 экземпляров этой листовки, полученной комитетами комсомола различных вузов и промышленных предприятий, а также редакциями газет и журналов и отправленной в их адрес по почте из Москвы вечером 22 и утром 23 февраля{1865}. На сей раз «активные меры к розыску распространителей антисоветских документов» оказались более действенными. Уже 3 марта органы КГБ задержали 20-летних комсомольцев А.Г. Мурженко (студента Московского финансового института) и В.А. Балашова (фотографа 5-й типографии Воениздата). При обыске у них было обнаружено более 20 конвертов с текстом листовки Союза свободы разума, приготовленных для рассылки. На допросах они признали, что сочинили эту листовку, отпечатали ее текст в типографии и разослали по почте в количестве более 300 экземпляров, а еще 50 разбросали по студенческим аудиториям, в чем им помогали другие студенты{1866}.

Нет ничего странного в таком рвении чекистов, в их стремлении как можно быстрее найти и обезвредить антисоветчиков. Странно, однако, отсутствие результативности в расследовании более щекотливого дела, связанного с призывом сменить не строй, а первое лицо в партии и правительстве. Попытки выяснить обстоятельства этого дела у тогдашнего главы госбезопасности П.Е. Семичастного и его заместителя П.И. Ивашутина ни к чему не привели. Ничего не мог вспомнить об этом «подметном письме» и первый секретарь МГК КПСС Н.Г. Егорычев.

Нет никакого упоминания об этом эпизоде и в воспоминаниях Н.С. Хрущева. Может быть, потому, что он отдыхал тогда в Сочи, а его коллеги дали знать ему о «подметном письме» таким образом, что он не придавал ему сколько-нибудь серьезного значение? Но ведь в его воспоминаниях ничего не говорится и о том, что он действительно собирался на мартовском (1962 г.) пленуме ЦК сделать оргвыводы в отношении некоторых из своих недавних фаворитов. Однако, открывая 5 марта пленум, он ограничился только упоминанием об «антипартийном поведении» Е.А. Фурцевой и Н.А. Мухитдинова, выразившемся в отсутствии на последнем заседании XXII съезда КПСС 31 октября 1961 г., когда голосовалось предложение о перезахоронении Сталина. А уже заготовленное предложение об их исключении из состава ЦК так и не озвучил. И не предупреждение ли анонимщиков о поиске им новых «козлов отпущения» подвигло его на то, чтобы отказаться от первоначального намерения?